



Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (<https://nashagazeta.ch>)

Владимир Димитриевич: «Я хотел быть свидетелем...» | Vladimir Dimitrijević: "Je voulais être témoin..."

Auteur: Надежда Сикорская, [Женева](#) , 16.06.2010.



Владимир Димитриевич - Издатель. С большой буквы (© NG)

Наш сегодняшний гость – основатель и бессменный глава крупнейшего издательства романдской Швейцарии L'Age d'Homme, человек, посвятивший большую часть своей жизни популяризации на Западе литературы Восточной Европы, в первую очередь, русской, и первым издавший на русском и французском языках роман "Жизнь и судьба" Василия Гроссмана.

Notre invité d'aujourd'hui est le fondateur et chef irremplaçable de la plus grande maison d'édition en Suisse Romande, L'Age d'Homme. Il a consacré la plupart du temps dans sa vie à la popularisation de la littérature de l'Europe de l'Ouest, y compris russe, en Europe occidentale, et était le premier à éditer, en russe et en français, le roman "Vie et destin" de Vassili Grossman.

Vladimir Dimitrijević: "Je voulais être témoin..."

Владимир Димитриевич, которого друзья называют Димитрий, - серб по рождению, швейцарец по стечению обстоятельств, Гражданин мира – по сути своей. Мое знакомство – к сожалению, запоздалое – с этим исключительным человеком, произошло по случаю выхода в свет, при поддержке [Фонда Нева](#), исследования о

русском философе Лье Шестове. (Мы уже знакомили читателей с его автором, [Женевьевой Пирон](#)). Имя этого мыслителя, оказавшего большое влияние на целое поколение европейских, в особенности, французских философов, в России сейчас известно только специалистам. А Дмитриевич открыл его для себя еще в 1955 году, когда, прочитав эссе Шестова о Паскале, решил, что автор писал исключительно для него.



Владимир Дмитриевич - между Лозанной, Женевой и Парижем

Но я очень забежала вперед, надо же хоть кратко представить вам собеседника. С его насыщенной событиями жизнью лучше всего познакомиться по записям рассказов Дмитриевича, сделанным его давним другом, известным швейцарским публицистом Жаном-Луи Куффером, и объединенным под общим названием [«Перемещенное лицо»](#). Если вы владеете французским, то очень рекомендую прочесть эту книгу – она наверняка вызовет горячий отклик у всех, кто застал советские времена.

Итак, Владимир Дмитриевич родился в Скопье и первые его детские воспоминания связаны с часовой мастерской его отца, в 1936-37 годах. За этим последовали: «первая ссылка» (переезд из Македонии в Белград в 1939 году), первый опыт «чужака» в новой школе, начало Второй мировой войны, приход к власти коммунистов в 1944 году, первый арест отца, затем его освобождение – с конфискацией имущества и клеймом "врага народа". Неучастие Дмитриевича в общей идеологической эйфории, его бескомпромиссность и преданность принципам (что сам Владимир вовсе не считает заслугой, а объясняет такую позицию «Просто я такой»), острое осознание страшной мощи массы против одного, инстинктивная подозрительность по отношению к тем, кто умеет приспосабливаться... И параллельно со всем этим – страсть к футболу и, главное, к литературе, открытие для себя сербских авторов, поэзии Пушкина и Лермонтова...

Vladimir Dimitrijević
Jean-Louis Kuffer

Personne déplacée

Entretiens



L'Age
d'Homme



Биография, рассказанная им самим

4 марта 1954 года Владимир Димитриевич прибыл в Швейцарию по фальшивому паспорту на имя гражданина Бельгии Жака Бута («я ощущал себя персонажем Сименона») и 12 долларами в кармане. Жизнь впроголодь, работа, где придется... Поступление в Невшательский университет и изучение русского языка под руководством профессора Стремоухова, чьи книги бывший ученик позже будет издавать... Первая «окололитературная» работа – продавцом в лозаннском магазине Payot... И, наконец, в 1966 году, воплощение мечты – создание издательства L'Age d'Homme, выпустившего за 40 лет существования более 4000 книг, в том числе около пятисот – русских авторов.

Мы встретились с Владимиром Димитриевичем в фирменном магазине издательства в Женеве.

Наша газета.ch: Господин Димитриевич, что подвигло Вас на создание издательского дома, ведь, по Вашим собственным словам, на тот момент Вы в этой профессии разбирались мало?

Владимир Димитриевич: Начав работать в Payot, я обнаружил ряд серьезных пробелов в переводах на французский язык произведений восточноевропейских авторов, в частности, русских, которых я к тому времени уже достаточно хорошо знал. Я решил этот пробел заполнить.

Кроме того, сбежав от тоталитарного режима, приехав в Швейцарию в 19 лет без денег, без языка, я уже тогда верил, что люди должны узнать, что мы, представители Восточной Европы, не просто продукты системы, но что у нас есть нечто значительно большее – наша культура, литература. Я знал, что приехал сюда с целью – свести Восточную и Западную Европу. Я хотел быть свидетелем, очевидцем... С тех пор я много узнал, и этот путь познания был долгим и болезненным...

Было бы справедливо сказать, что Ваш собственный опыт отразился на

выборе авторов, ведь, судя по всему, Вас привлекают, прежде всего, писатели, у которых проблемы с их родными странами?

Это верно. Я серб, и у меня самого проблемы с моей страной, которая не



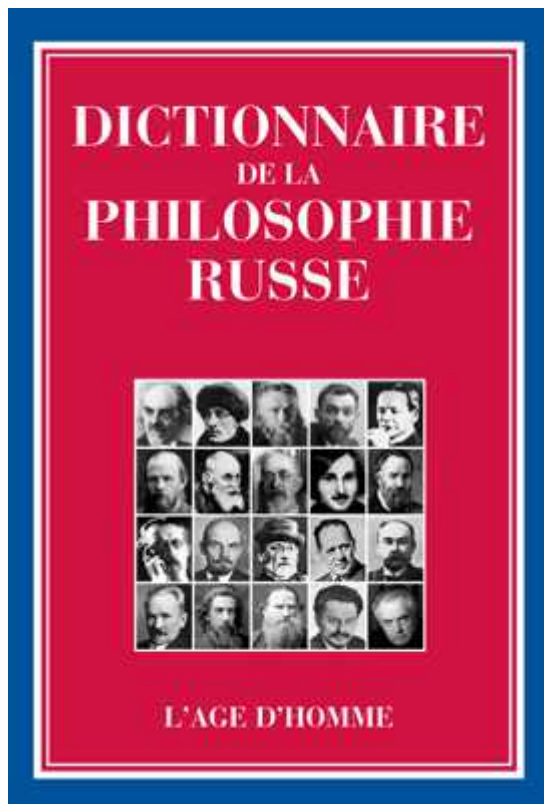
В своей стихии...

достаточно настаивает на своем культурном присутствии в Европе. Только поставив правильный диагноз болезни, можно ее лечить, иначе мы сами подставляем себя под традиционную, и часто поверхностную, критику представителей Западной Европы. Я хотел, чтобы о нас перестали говорить, Бог знает что. Я хотел показать, что у Европы два легких, которые тесно взаимосвязаны. Однако по-прежнему Западную Европу больше интересует Америка, чем ближайшие соседи, а мы все еще проходим как «плохие», которых каждый атташе посольства считает своим долгом учить, как жить.

Вам должна быть очень близка тема эмиграции.

Конечно, ведь я сам эмигрант. Мой отец тоже всю жизнь бредил Америкой, такой, как в фильме Эли Казана. А я до сих пор часто смотрю на фотографию моего деда в его булочной в Чикаго. Эта старая фотография напоминает мне о чаяниях всех тех, кто уехали, чтобы самореализоваться в другом месте и не подвергаться осмеянию у себя дома. Уехали, какими бы сильными не были их связи с Родиной.

В 1967 году Вы начали серию *Slavica*, в рамках которой было опубликовано с тех пор более 600 наименований. А самой первой книгой стал «Петербург» Андрея Белого в переводе Жоржа Нива и Жака Катто. Почему именно на этот роман пал Ваш выбор?



Одна из последних книг

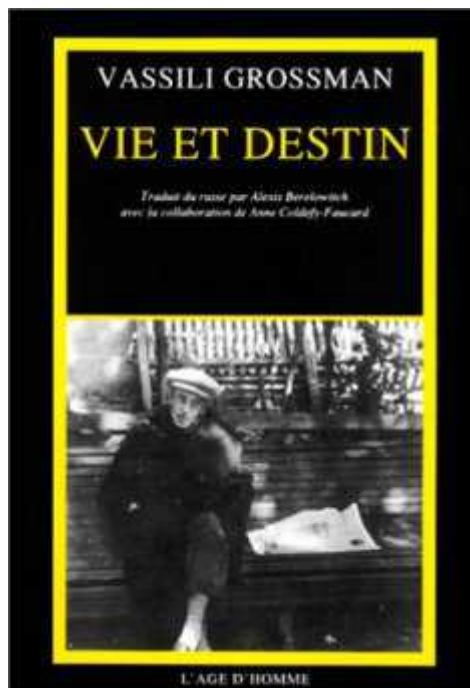
Потому что это гениальная книга, которую французские издатели сначала проигнорировали, а узнав, что я собираюсь ее все-таки выпустить, обиделись и пытались мне помешать. Вообще, наблюдения за переводной литературой, в частности, на французский язык, позволяет сделать интересные открытия. Так, во Франции издатели традиционно интересовались, прежде всего, той зарубежной литературой, которая, по их мнению, наиболее соответствовала местным вкусам. Поэтому Тургенев, например, был сразу принят, а к Достоевскому, Толстому и Гончарову долго относились подозрительно.

И в 20 веке эта тенденция не исчезла?

Нет, но она видоизменилась. Появились новые цензоры. Во Франции такую роль по отношению к русским писателям взяли на себя Эльза Триоле и Луи Арагон. Они были убежденными коммунистами, это их личное дело, и знали, конечно, поколение современных им писателей. Проблема была в том, что они резко отвергали всех, кого отвергала Советская власть, например, Мандельштама и Белого. Не говоря уже о тех, кто уехал – Зайцева, Ремизова... Я даже получил письмо от их адвоката, пытавшегося запретить мне публикацию «Петербурга», ссылаясь на авторские права, которыми эта пара якобы обладала.

Вам принадлежит честь первого издания эпического романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба», арестованного КГБ в 1961 году, чудом спасенного Семеном Липкиным, переснятого на фотопленку Андреем Дмитриевичем Сахаровым и вывезенного за границу Владимиром Войновичем. Как это получилось?

Да вот так и получилось, что мы с моим товарищем, выдающимся переводчиком



Дмитриевич первым издал шедевр Гроссмана на русском. Ефимом Эткиндром расшифровали микрофильмы и подготовили и русское, и французское издания. Роман вышел в свет в 1980, к сожалению, уже после смерти Василия Гроссмана.

Сейчас, когда коммерческий успех является главным, если не единственным, критерием успеха любого предприятия, не могу не задать Вам вопрос: многие издаваемые Вами книги заведомо нерентабельны, взять хотя бы того же Шестова. Как Вы решаете эту проблему?

Знаете, просто издать книгу – мало. Мы живем в немедленном мире, где все хотят всего и сразу. А я не верю в моду, я верю в структуру. 1960-е годы были очень интересным периодом, плюс я сразу был окружен прекрасными специалистами и настоящими энтузиастами. А одним из первых авторов был Пьер Паскаль, доверивший нам издание своих «Основных течений русской мысли», книги, которую я считаю обязательным чтением для каждого, кто интересуется Россией. Сейчас работать трудно еще и потому, что наше общество – информационно и финансово агрессивное, да и пресса нам не помогает: в том, что касается России и Восточной Европы, она всегда предпочитает «чернуху», которая соответствует ее собственному взгляду.

Что же касается нерентабельных книг, так что же теперь делать? Надо либо искать спонсора, как и случилось с книгой Женевиевы Пирон, за что спасибо Фонду Нева, либо издавать на свой страх и риск, надеясь, что доход от другой, более массовой книги, покроет разницу. Я прекрасно знаю, что книгу о Шестове купит, может быть, 300 человек – специалистов, библиотекарей и так далее. Но я очень рад ее выходу в свет.



Книжный магазин в Женеве

Что Вы думаете о входящих в моду электронных книгах, знаменитых E-books?

Ничего, а что о них думать? Не важно, в каком формате человек читает, главное – чтобы читал. Ведь каждая книга – это сезам, открывающий нам новый мир, позволяющий понять, как жили и что думали и древние греки, и зеки в лагере. Но и уметь читать – не просто разбирать слова, конечно, дано не каждому. Я думаю, что настоящим даром чтения обладает лишь 5% населения, которые, как и писатели, пропускают через себя книги. Лично я, например, гораздо лучше знаю и понимаю Пьера Безухова, чем многих других людей, с которыми регулярно общаюсь – ведь мы знакомы с ним столько лет!

Зачем вообще нужна литература? Чтобы формировать человека. Я убежден, что если бы западные журналисты лучше знали русскую литературу, то и образ России здесь был бы иным. Чем велика русская литература, заполонившая мир? Тем, что она дала понять, что главное и единственное, на чем держится мир, – это человек. Именно своим интересом к обычному, маленькому человеку она потрясла и покорила мир.

В чем, по-Вашему, предназначение издателя?

На нас лежит большая ответственность – мы не имеем права просто дожидаться, пока время рассудит. Каждый издатель должен постоянно помнить, что он в ответе за живое наследие, передаваемое от поколения к поколению.

www.lagedhomme.com

Книжные магазины издательства L'Age d'Homme :

Le Rameau d'Or, bvd Georges-Favon 17, 1204 Genève
L'Age d'Homme, 5 rue Férou, 75006 Paris

[русская литература](#)

[Владимир Димитриевич](#)

[переводы русской литературы](#)

Статьи по теме

[Женевьева Пирон : «История – это когда падают памятники»](#)
[Катрин Лове: «Люблю Россию вопреки здравому смыслу»](#)
[Жорж Нива о Солженицыне: «Остался голос писателя и пророка»](#)

Source URL: [*https://dev.nashagazeta.ch/node/10006*](https://dev.nashagazeta.ch/node/10006)